

3. 342
228

352

352
А. Н. ВЕРШИНСКАГО

10

ОБЪ
УТОРСКОМЪ НАРОДЪ,

ОБИТАВШЕМЪ

ВЪ СРЕДНЕЙ И СЪВЕРНОЙ РОССИИ, ВЪ ФИНЛЯНДИИ И ВЪ СЪВЕРНОЙ ЧАСТИ СКАНДИНАВИИ

ДО ПРИВЪТІЯ ТУДА НЫНЪШНИХЪ ИХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Д. П. ЕВРОПЕУСА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1874.

ОБЪ

УГОРСКОМЪ НАРОДЪ,

ОБИТАВШЕМЪ

ВЪ СРЕДНЕЙ И СЪВЕРНОЙ РОССИИ, ВЪ ФИНЛЯНДИИ И ВЪ СЪВЕРНОЙ ЧАСТИ СКАНДИНАВИИ

ДО ПРИВЪЗТА ТУДА НЫНЪШНИХЪ ИХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Д. П. ЕВРОПЕУСА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1874.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

ОБЪ УГОРСКОМЪ НАРОДЪ,

обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей.

Д. П. Европеуса.

«Какія археологическія изслѣдованія отчасти уже указали на границы между племенами, обитавшими на Русѣ?» Это — послѣдняя половина семнадцатаго вопроса, предположеннаго къ обсужденію на нынѣшнемъ Археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Журналѣ Министеретва Народнаго Просвѣщенія (Іюль мѣсяць 1868 г.) я помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «*Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда Славянъ*», въ которой уже доказалъ, что изслѣдованія о названіяхъ нерусскаго происхожденія мѣстностей лучше всего указываютъ на границы между племенами, обитавшими на Русѣ; слѣдовательно въ ней уже по мѣрѣ тогдашнихъ моихъ изслѣдованій данъ былъ отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ Археологическаго съѣзда. Теперь я могу сказать, что главная, существенная часть этой моей статьи совершенно подтверждена послѣдними моими изслѣдованіями, и что только менѣ важныя мѣста въ ней подлежали измѣненіямъ и поправкамъ. На основаніи этихъ моихъ изслѣдованій я составилъ приложенную къ настоящей статьѣ *этнографическую карту древней Россіи*, съ обозначеніемъ границъ, до которыхъ въ древнія времена распространялись разныя вѣтви такъ называемаго финско-венгерскаго или финско-угорскаго племени. Точнѣе всего опредѣлены древнія границы самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга вѣтвей этого племени, то есть собственно такъ называемыхъ Финновъ и одноплеменныхъ съ ними Эстовъ и Обонезской Чуди съ одной и Угры или Югры съ другой стороны. Угрою или Югрою назывались въ дорусскія времена предки нынѣшнихъ Венгровъ, Вогуличей и Остяковъ. Послѣдніе два народа, сосѣди ихъ Зыряне и говорящіе особеннымъ зырянскимъ нарѣчіемъ Вотяки еще до сихъ поръ называютъ *Jõgga*, во множественномъ числѣ *Jõggras*. Древнія границы другихъ финско-венгерскихъ народовъ, а именно: Мордвы, Лопарей, Черемисы и Зырянъ съ Вотяками, до сихъ поръ, напротивъ того, еще довольно трудно опредѣлить. Болѣе всего ясны древнія границы Мордвы, и преимущественно Зырянъ и одноплеменныхъ

съ ними Вотиковъ, хотя на специальныхъ картахъ нынѣшняго и древняго мордовскаго края находится сравнительно очень незначительное число явно мордовскихъ названій мѣстностей, между которыми названія рѣкъ съ окончаніемъ *-лей* = *рѣка* вѣрнѣе всего опредѣляютъ границы древней мордовской области, простирившейся немного далѣе нынѣшняго мордовскаго края.

Зыряно-вотияцкихъ сложныхъ названій мѣстностей довольно много; древнее распространѣніе Зырянъ и Вотиковъ указывается: короткими названіями рѣкъ на *-ва* = *вода*, какъ-то: *Сосоа*, *Колва*, *Иноа*, *Уйва*, *Нейва*, *Сылова*, *Тулова*, отчасти названіями городовъ на *-каргъ*, какъ-то *Войкаргъ* — *сѣверный городъ* или собственно *ночный (ночь-) городъ* въ древней землѣ Угры при нижнемъ теченіи рѣки Оби, *Уркаргъ* — *блуждающій городъ*, а не *блужд.*, какъ сказано въ «Книжѣ, глаголемой Большой Чертежъ», сочиненной около 1600 года, *Искаргъ* — *каменный (камень-) городъ*, на рѣкѣ Сосвѣ, и др. и названіями устьй рѣкъ на *-доръ*, какъ-то *Обдоръ* (Обдорскъ) = *устье Оби*, по зырянски собственно *дндудуки*. Обь по отстязки *Асъ* тоже *дндудука*, сравн. венгер. *ös* (*би*) тоже *дндудука*, чешск. *isá otčen*. Отъ названія Оби *Асъ* Остязки сами себя зовутъ *Асъ-яхъ* = *Обские люди*, отъ чего произошло русское *Остязк*.

Къ древнему угорскому или югорскому народу принадлежали, какъ выше сказано, предки нынѣшнихъ Венгровъ, Вогуличей и Остязковъ. Раздѣленіе ихъ произошло въ историческое время, такъ какъ Венгры въ 884 году по Р. Хр., подъ предводительствомъ Альмуса, переселились въ Паннонію, нынѣшнюю Венгрію. По сказанію самаго древняго лѣтописца Венгровъ, Анонима Белья, они вышли изъ земли Спитіи, лежащей въ Европѣ и простирающейся, какъ говорятъ Анонимъ, Иорданъ и Симеонъ Кезай, послѣ Анонима второй изъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Венгріи, отъ Сѣвернаго моря до рѣки Дона и Аланія и отъ рѣки Вислы до Урала. А шли они черезъ рѣку «*Etyla*», то есть Волгу, по татарски *Idél*, черезъ города «*Susudal in Russia*», Кіевъ и Владиміръ, конечно Вольнскій, и наконецъ черезъ «*montes hovos*», то есть сѣбжыны = Карпатскія горы (*hovos* — *стѣнный* венгерское слово) въ Паннонію, чтобы тамъ, какъ говорятъ Анонимъ, «*овладѣть наслѣдствомъ Атиллы, прадѣда Альмуса*». Слѣдовательно «*Высокія горы*», черезъ которыя, по сказанію Нестора, шла Угра, послѣ того какъ прошла въ 898 г. мимо Кіева, не могутъ быть Уральскія, какъ думаютъ нѣкоторые толкователи Нестора, потому что Угра, по названіямъ мѣстностей, уже въ дорусскія времена жила въ Европейской Россіи. Эти горы могутъ быть только Карпатскія, на чтѣ и указываетъ порядокъ словъ у Нестора.

Достойно вниманія изслѣдователей, что отецъ Альмуса у Кезая называется *Uger*, у Анонима *Ugek*, а дядя Альмуса у Анонима носитъ имя *Hulesc*. Не Игорьъ ли былъ *Uger* (*Угерь*) и не Олегъ ли *Hulesc*? Извѣстно, что Меря и Бѣлозерская Вель, которыя по названіямъ нерусскаго происхожденія мѣстностей, сохранившихся до сихъ поръ во множествѣ въ древнихъ ихъ земляхъ, были народы чисто угорскаго происхожденія, составляли часть, а можетъ быть и самую значительную часть, войска Игорева.

Въ войскѣ монгольскихъ Хушовъ, при переходѣ ихъ на югъ Европы, тоже было значительное число Угры. О Хушахъ, обитавшихъ въ верхней Азіи, приведены обширные рассказы въ русскомъ переводѣ изъ древнихъ современныхъ китайскихъ источниковъ въ прекрасномъ сочиненіи отца Іакинѣа: *О народахъ верхней Азіи*. Послѣ смерти и уничтоженія могущества Атиллы сыну его, Денгизыку, остались вѣрными между прочимъ *Биттогуры*,

как говорить Горданъ. Это названіе и многія другія названія угорскихъ племёнъ, явившихся во время переселенія народовъ въ Паннонію и въ страны около Чернаго моря, оставались до моихъ изслѣдованій необъяснимыми. Имя *Биттогуръ* чisto угорское и значить *Черная Ура* или *Юра*. *Черный* въ нарѣчіяхъ Березовскихъ и Обдорскихъ Остяковъ передается словомъ *титы* (см. рукописный словарь Вологодскаго, хранящійся въ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ). Слово это сокращено изъ полной формы *neide*, встречающейся въ другихъ остяцкихъ нарѣчіяхъ; по венгерски оно *fekete* и образовалось по звуковымъ законамъ венгерскаго языка изъ древней формы *peketē*. Въ вогульскомъ и въ другихъ финско-венгерскихъ языкахъ этого слова нѣтъ. *Биттогуръ* слѣдовательно были самыя близкіе родственники прародителямъ нѣмнѣйшихъ Обдорскихъ и Березовскихъ Остяковъ, которые, какъ показываютъ мои изслѣдованія о названіяхъ мѣстностей, въ старину жили около Сѣверной Двины и около ея притока Ваги.

Относительно значенія имени *Биттогуръ* нельзя сомнѣваться, когда узнаемъ, что въ войскѣ Хунновъ находился народъ *Сарагуръ*, котораго названіе по вогульски буквально значить *Бѣлая Ура*. По вогульски, въ нарѣчій Кондинскихъ Вогуличей, слово *sajr* значить *бѣлый* (см. *A' Kondai Vogul nyelv = Кондинско-вогульскій языкъ*, сочиненіе венгерскаго академика *Hunfalvy*), въ нарѣчій около рѣки Чусовой (у Палласа, *Vocabularia comparativa*) тоже *сайранъ бѣлый*, сравни. по кондински *sajrenъ бѣловатый*. Въ другихъ вогульскихъ нарѣчіяхъ у Палласа *сарни*, *сорни бѣлый* (*бѣловатый?*). Въ послѣднихъ мы уже находимъ корень *сар*, *сop*, который встречается и въ названіи *Сарагуръ*. Въ другихъ финско-венгерскихъ языкахъ этого слова нѣтъ, но оно по самоѣдски во всѣхъ нарѣчіяхъ *sear*, *sera*, *ser*, *siri* (см. *Custrén, Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen*, ср. у Палласа) и по чувашски *šora* (*š = u*). Чувашскій языкъ, отдаленное нарѣчіе турецко-татарскаго языка, равно какъ и самоѣдскій, монгольскій и манджу-тунгузскій языки, принадлежатъ къ особенному татарско-алтайскому племени, которое по методическимъ сравнительно-филологическимъ изслѣдованіямъ не состоитъ въ непосредственномъ родствѣ съ финско-венгерскимъ племенемъ. Современные писатели дѣйствительно говорятъ о *Черной* и *Бѣлой Урѣ*, которыя, какъ повѣствуетъ Несторъ, при жизни Олега, въ разныя времена, проходили мимо Кіева, конечно въ Паннонію. Собственное названіе Венгровъ *Унгаръ*, *Унгуръ* или *Оногуръ* значить *Большая Ура*; по остяцки *ēne*, *āna великій*, по венгерски *ün* тоже, въ словѣ *ün-per* праздникъ, собственно *великій день*, по вогульски, у *Hunfalvy*, *jāni* тоже, по зырянски *ūna* тоже, и пр. Около Азовскаго моря и около рѣки Дона въ то время поселялись *Уттиуръ*, что значить *Малая Ура*, по вогульски, у *Hunfalvy*, *oš*, *ošъ малый*, *тонкій*, у Палласа *устъ*, *уцквa*) *малый*, по зырянски *uētъ* тоже, по черемиски *изи* тоже, и пр. *Куттиауръ* и *Кутриуръ* или *Кутуриуръ* по значенію одно и тоже, а именно *Собачья Ура*. *Куттиауръ* названіе собственно угорское, такъ какъ по венгерски *kutya* (читай *кутъя*) *собака*, по зырянски (у Савваптова) *кчи ценокъ*, по вотяцки *kutsja собака*, по мордовски *кулѣ* (*куто*), *kiska* тоже, по лопарски, около озера Имандры, *kotsenš ценокъ*, у Терскихъ или Понойскихъ Лопарей *kulse* тоже, по эстонски *kutsikas* тоже, сравни. по латышски *kuzga сука*, *kuzgens ценокъ*, по русски (см. Областной Словарь) *кутя собака*, *кутенокъ ценокъ*, по осетински *qut собака*, а *Кутриуръ* отъ нѣмецкаго *köter*, по фински *koira собака*, по звуковымъ законамъ финскаго языка отъ *kotra* (въ финскихъ фамильныхъ названіяхъ еще до сихъ

порь *Kotro, Kotronen*, напр. въ приходѣ *Puumala*, С. Михельской губерніи въ Финляндіи), по мордовски *kutter(не) шенюк*. Названіе *Сатапууръ*, очевидно, значитъ сто (100) *Угоръ*, отъ находящагося во всѣхъ финско-венгерскихъ языкахъ слова *sata* сто, по вогульски *šäto*. Встрѣчается еще названіе угорскаго племени *Сабанууры*, извѣстнаго также подъ названіемъ *Сабурь*. Это безъ сомнѣнія остяцкое и черемисское *šabur* родъ армяка, по вогульски *šur рубаха*, по остяцки *šori* родъ армяка, по звуковымъ законамъ остяцкаго языка отъ *sori* или *šori*, по фински, въ нарѣчій Русскихъ Корель, *sora рубаха*. Слѣдовательно названіе *Сабанууры* значитъ *Армячная Ура*. Извѣстное названіе *Печеныгъ*, у нерусскихъ писателей *Паццинаки*, безъ сомнѣнія угорское *petšer-jaz сосновые*, то есть *сосноволесные люди*, по остяцки *pišš*, въ нарѣчійхъ *piñš сосна*, прилагательная форма *pišerj сосновый* (η гортанноносный звукъ *ng*, въ нѣмецкомъ *enge*), по венгерски *fenyő* (читай *фенё*) *ель*, по звуковымъ законамъ венгерскаго языка отъ *penčö*, по зырянски, у Саввалтова, *пожём сосна*, по черемиски *pyñše* тоже (*y = ŋ*), по мордовски *pišše*, по лопарски *petše*, по фински *petäjä*, по звуковымъ законамъ финскаго языка отъ *petaga*, по эстонски еще до сихъ поръ *pedagas* (*petagas*). Но это слово тоже встрѣчается во всѣхъ концахъ индо-европейскаго племени, и слѣдовательно оно общаго и древне-индо-европейскаго и древне-финско-венгерскаго происхожденія. По санскритски оно *piñu*, по гречески *πίτυς*, по латыни *pinu-s*, по мнѣнію филологовъ отъ *piñu-s*, по албански *piše*, по литовски *pišis*, по древне-германски *ficta, f* по звуковымъ законамъ германскаго языка изъ *p*. Остяцкое слово *jaz* мы встрѣтили уже выше въ названіи Остякъ (*As-jaz*).

Названію *Печеныгъ* противоположно названіе *Турниахъ**, которое тоже чисто угорское и значитъ *степные* или буквально *травяные люди*. По остяцки (у Вологодскаго) *торнъ трава*, по зырянски и вотяцки *turin* тоже; ср. санскритское *tr̥ṇa* тоже. Сюда причисляютъ филологи русское *дернъ* и германское *dorn*.

Названіе сына Аттилы, *Денизигъ*, тоже чисто угорское, а именно венгерское *gyenyusziga* (читай *двендь-цига*) буквально *жемчужная раковина*, нѣмецкое *Perlenmuschel*. Отъ этого венгерскаго слова очевидно произошло русское *жемчугъ*.

Всѣ упомянутые выше угорскіе народы явились, какъ я уже сказалъ, во время переселенія народовъ около Чернаго моря и около Дуная. Тогдашняя настоящая родина Угры, какъ указываютъ названія древне-угорскаго происхожденія мѣстностей и какъ видно изъ приложенной карты, простиралась отъ рѣки Оки на сѣверъ до самаго Ледовитаго моря и отъ сѣверной части Уральскихъ горъ до Финляндіи и даже до сѣверной части Скандинавіи, а въ Россіи до окрестностей озера Ильмена и до источниковъ рѣки Волги, за исключеніемъ «родины Финновъ», то есть области около Онежскаго озера и южной части Ладожскаго, гдѣ нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ окончаніемъ. Самыя важныя и интересныя изъ этихъ названій составляютъ сложныя съ разными чисто-угорскими окончаніями, которыхъ я собралъ болѣе двухъ тысячъ. Объ этихъ изслѣдованіяхъ напечатана мною обширная статья въ журналѣ *Suomi*, издаваемомъ Обществомъ финской литературы^{**}), а краткое ихъ изложеніе находится въ вышепомынутой статьѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

*) См. Stritteri Memoriae populorum, t. I, pag. 719.

**) II отд. ч. 7 и 8, 1867 и 1869 г.

Чисто финская область, безъ всякой примѣсы угорскихъ названій, занимаетъ, какъ выше сказано и какъ видно на картѣ, только пространство около Онежскаго озера и около южной половины Ладожскаго, и продолжается неширокою полосою до Эстляндіи. На востокъ и юго-востокъ финскія названія не доходятъ до рѣки Онеги и Бѣлаго озера. Граница этихъ названій идетъ на разстояніи двадцати или тридцати верстъ на западъ и сѣверо-западъ отъ упомянутыхъ мѣстностей. На югъ финскія названія не переходятъ дальше города Тихвина, а около Волхова — дальше окрестностей Волховаго моста Николаевской желѣзной дороги. Отъ рѣки Невы и Финскаго залива на югъ протяженіе этой границы, по древнѣйшимъ источникамъ названій мѣстностей, еще менѣе, а именно только верстъ на двадцать. Я положительно могу сказать, что, кромѣ русской Кареліи, нынѣшней и древней, до меридіана самаго южнаго края Онежской губы въ области угорскихъ названій мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи нѣтъ никакихъ названій финскаго происхожденія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ совершенно отдѣльных и очень необширныхъ пространствъ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, куда Корела переселилась во время междоусобствъ. О Корелѣ, переселившейся въ Архангельскую губернію въ окрестности Архангельска и Холмогоръ и уже давно впрочемъ обрусѣвшей, можно получить подробныя свѣдѣнія въ сочиненіи П. С. Ефименко, подъ заглавіемъ: *Заволоцкая Чудь*.

Въ археологическомъ отношеніи очень важно, что въ предѣлахъ вышеописанной области древнихъ Финновъ, къ югу и юго-востоку отъ Ладожскаго озера и въ нынѣшней Ингерманландіи, преимущественно около рѣкъ, встрѣчается множество «сопокъ» или кургановъ, о которыхъ мы имѣемъ историческія свѣдѣнія, что Чудь древней Водской пятинны, или нынѣшней Ингерманландіи и Ладожскаго уѣзда, въ 1534 г. «кладе мертвыхъ по курганамъ и по коломищамъ съ ѡрбуями... и къ родильницамъ призываютъ ихъ, и тѣ ѡрбуи младенцамъ имена нарекають свойски». Такъ сказано въ посылной грамотѣ архіепископа новгородскаго Макарія (см. въ вышепомянутой книгѣ Ефименко, стр. 27). Знахари у Ингерманландскихъ Финновъ до сихъ поръ называются *аррожа (arboja) ворожея жребіями*. Изъ этого видно, что эти чудскіе курганы древне-языческаго финскаго происхожденія. *Коломище* тоже финское слово *kalmisto могилице, кладбище*, отъ *kalma могила*.

Самыя несомнѣнныя финскія сопки или курганы встрѣчаются въ сѣверной части Тихвинскаго уѣзда, гдѣ Чудь еще до сихъ поръ живетъ и говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, имѣющимъ самый первоначальный типъ изъ всѣхъ финскихъ нарѣчій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я самъ видѣлъ тамъ множество такихъ сопокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ. Эти сопки овальной формы, вышиною отъ одного до двухъ аршинъ*). Очень важно было бы

*) Послѣ составленія и до отпечатанія этой статьи я имѣлъ случай ближе ознакомиться въ Тихвинскомъ уѣздѣ съ курганами или такъ называемыми «сопками» Тихвинской Чуды; видѣнныя мною тамъ сопки вышиною до двухъ сажень, но между ними, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, есть и такія, вышина которыхъ съ хоромы. Въ чудскихъ курганахъ встрѣчались черепа короткоголоваго типа; область череповъ длинноголоваго типа простирается отъ Бѣжецъ черезъ Весьегонскій и Устюженскій уѣзды и верстъ на двадцать на юго-востокъ отъ селенія Сомины по устюженско-тихвинскому тракту, за которымъ курганы съ черепами длинноголоваго типа совершенно исчезаютъ. Эти курганы отдѣляются отъ кургановъ чудской или собственно финской области полосою безъ всякихъ кургановъ, имѣющею въ ширину отъ 75 до 100 верстъ. Область курганныхъ череповъ длинноголоваго типа около вышепомянутаго тракта приближается почти къ самому краю угорскихъ названій мѣстностей, границы которыхъ нанесены на карту до моего послѣдняго путешествія въ эти мѣста.

собрать сколько возможно точныя свѣдѣнія о распространѣніи этихъ сопокъ, равно какъ и разныхъ другихъ кургановъ и древнихъ могилъ, обращая при этомъ вниманіе не только на внѣшній видъ, но и на внутреннее строеніе и на археологическое содержаніе такихъ кургановъ и могилъ. Но важнѣе всего встрѣчающіеся въ курганахъ древнѣе человѣческіе черепы, которые, какъ извѣстно, служатъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ для опредѣленія національности древнихъ курганныхъ племенъ.

Все это, а преимущественно названія мѣстностей, уже неоспоримо доказали неосновательность мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы во всей средней и сѣверной Россіи встарину жили предки нашихъ собственно такъ называемыхъ Финновъ. Тамъ жила гораздо болѣе могущественный народъ Угра, предки нынѣшнихъ Венгровъ, Вогулчей и Остяковъ, которые еще въ историческое время составляли одинъ народъ, говорившій однимъ языкомъ, лишь распавшимся на разные, мало различившіяся другъ отъ друга, нарѣчія.

Къ числу ученыхъ, не признающихъ вѣрными моихъ изслѣдованій о названіяхъ нерусскаго происхожденія мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи, принадлежатъ академикъ Шенкель. Онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ, высказалъ мнѣніе, что звуковыя законы остяцкаго языка, изложенные Кастреномъ въ его *Ostjakische Sprachlehre* и въ приложенномъ къ этой книгѣ *Wörterverzeichnis* и употребляемые мною доказательствами при моихъ изслѣдованіяхъ о названіяхъ угорскаго происхожденія мѣстностей въ Россіи и Финляндіи, помѣщенныхъ въ журналѣ *Suomi*, «совсѣмъ не существуютъ» («gar nicht existiren») и поддѣланы Кастреномъ «по собственнымъ его теоріямъ» («nach seinen eigenen Theorien»), а что существуетъ въ остяцкомъ языкѣ совершенно противоположная перемѣна звуковъ. Такимъ образомъ моимъ изслѣдованіямъ объ угорскихъ названіяхъ мѣстностей, если принять во вниманіе мнѣніе г. Шенкеля, не слѣдовало бы давать никакого значенія, такъ какъ они основаны на этихъ будто бы поддѣланныхъ Кастреномъ звуковыхъ законахъ остяцкаго языка. Но, къ счастью, въ рукописномъ словарѣ остяцкаго языка Вологодскаго встрѣчаются тѣ же перемѣны звуковъ въ тѣхъ-же остяцкихъ словахъ, въ которыхъ онѣ замѣнены и Кастреномъ. Сверхъ того у Вологодскаго въ значительномъ числѣ остяцкихъ словъ, не приведенныхъ Кастреномъ, являются эти же самыя перемѣны звуковъ. Эти звуковыя перемѣны въ остяцкомъ языкѣ состоятъ въ томъ, что *l* почти всегда, а *s* или *š* (*u*) очень часто, иногда даже *r*, перемѣняются въ *t* или въ *d*, которыя въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ остяцкаго языка произносятся: *t* звукомъ среднимъ между *l* и *l* или *s* и *l*, какъ говоритъ г. Вологодскій въ словарѣ, а *d* такимъ же среднимъ звукомъ между *d* и *l*. Кастрель въ своей *Ostjakische Sprachlehre* (см. *Wörterverzeichnis*) приводитъ до шестидесяти примѣровъ, не могущихъ возбудить никакого спора, и нѣсколько менѣе вѣрныхъ на вышеизложенныя звуковыя перемѣны въ остяцкомъ языкѣ. Примѣры сопоставлены Кастреномъ съ родственными словами въ другихъ финско-венгерскихъ, а иногда даже въ нѣкоторыхъ нефинско-венгерскихъ языкахъ, въ которыхъ *l*, *s* и *r* въ такихъ словахъ всегда являются общими, тогда какъ соответствующее этимъ звукамъ *t* въ остяцкомъ языкѣ или остается совершенно частнымъ остяцкимъ или оказывается общимъ только съ другими угорскими языками, то есть съ вогулскимъ и венгерскимъ. Притомъ *t* обыкновенно въ вогулскомъ, а часто и въ венгерскомъ языкѣ перемѣняется въ *l*, а еще чаще въ послѣднемъ языкѣ оно исчезаетъ безъ всякой

замѣны какимъ-нибудь другимъ звукомъ. Эти звуковые законы во всѣхъ трехъ угорскихъ языкахъ признаны венгерскими и другими учеными, писавшими о нихъ, и притомъ подтверждены довольно многочисленными примѣрами (напр. въ написанной на финскомъ языкѣ диссертациіи Бломстедта *Halotti beszéd, ymnä sen johdosta vertailevia tulkimuksia Unkarin, Suomen ja Lapin kielessä*, стр. 109; у Буденца *A' magyar és finn-ugor nyelvekbeli szógye-ésék*; во многихъ мѣстахъ у Гунфальви (*Hunfalvy*), *Reguly Hagományai*. См. еще примѣчаніе подъ знакомъ **) въ моемъ *Zahlwörtertablelle I*, подъ заглавіемъ: *Die Stammverwandtschaft der meisten Sprachen der alten und australischen Welt*).

Г. Шяфнеръ напротивъ утверждаетъ, что въ остяцкомъ языкѣ звукъ *t* переходитъ въ *s* и что такую перемѣну звуковъ онъ будто бы замѣтилъ въ рукописномъ словарѣ кондпско-остяцкаго нарѣчія, составленномъ Поповымъ; но въ подтвержденіе этого мнѣнія нельзя найти ни одного примѣра ни у Кастрена, ни въ словарѣ Вологодскаго. Въ вогульскомъ и венгерскомъ языкахъ дѣйствительно существуетъ вышесказанный переходъ звука *t* въ *l*, но это нисколько не мѣшаетъ указанной Кастреномъ перемѣнѣ *l* въ *t* въ остяцкомъ языкѣ.

Господство этихъ звуковыхъ законовъ во всѣхъ трехъ угорскихъ языкахъ явно доказываетъ, что эти законы существовали уже въ древнемъ нераздѣльномъ угорскомъ языкѣ. И дѣйствительно эти перемѣны встрѣчаются въ древнихъ угорскихъ названіяхъ мѣстностей по всей ихъ области въ средней и сѣверной Россіи. Главнымъ и важнѣйшимъ доказательствомъ этому служатъ остяцкое слово *taget*, по вогульски *taut* и *tait*, въ нарѣчіи южныхъ Вогуличей въ прежнія времена *tagil*, по вышепомянутому звуковому закону вогульскаго языка, съ перемѣною *t* въ *l*, отъ *tagit*. Это остяцко-вогульское *tagit* значитъ собственно *рукавъ*, но употребляется и въ значеніи *притокъ рѣки*, напримѣръ въ названіи рѣки *Táiml*, при которой лежатъ извѣстные *Нижне-Тамилскіе* заводы.

Слово *taget* именно принадлежитъ къ числу тѣхъ остяцко-вогульскихъ словъ, въ которыхъ *t* произошло изъ первоначальнаго *s* или *š*. Первоначальная форма этого слова есть *šages*. Это доказывается тѣмъ, что въ черемисскомъ языкѣ *рукавъ* называется *šokš*, въ зрянскомъ *sos* и въ вотяцкомъ нарѣчіи этого языка *sajas*, отъ *sagas*, какъ доказываютъ только что упомянутыя формы этого слова въ остяцкомъ, вогульскомъ и черемисскомъ языкахъ. Въ лопарскомъ языкѣ слово это имѣетъ форму *sasse* отъ *sakse*, а въ финскомъ языкѣ, по звуковымъ его законамъ, совершенно правильно *hiha*, съ очень обыкновенною въ этомъ языкѣ перемѣною *s* въ *h* и короткаго лопарскаго *a* въ *i*. Мордовскій языкъ очень близокъ къ финскому, и потому мордовское слово *ога рукавъ*, отъ *hoga*, уже на половину имѣетъ финскую форму, вслѣдствіе перемѣны еще только перваго *s* въ *h*. Въ одномъ только венгерскомъ языкѣ слово это, *uj*, встрѣчается до такой степени въ искаженномъ видѣ, что его съ помощію извѣстныхъ венгерскихъ звуковыхъ законовъ едва возможно признать происшедшимъ отъ одного корня съ вышепомянутыми вогульскими и остяцкими формами этого слова. Уже выше было сказано, что *t*, происшедшее отъ *s*, въ венгерскомъ языкѣ часто совершенно исчезаетъ безъ всякой замѣны какою-либо новою буквою. Такъ случилось и здѣсь. Основная форма венгерскаго *ui* (*ujj*) конечно была *tauit*, сократившаяся въ *tuit*, отъ котораго правильно образовано *ui*. *Uj* въ венгерскомъ языкѣ еще означаетъ *палецъ*, но это слово совершенно другаго происхожденія, хотя также передѣлано съ устраненіемъ звука *t*. Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ о *рукавъ*

Венгерцы обыкновенно говорить *ruha ui*, то есть *ui одежды*. О *пальц* также часто говорить *kez ui*, то есть *ui руки*.

Всѣ эти особенныя угорскія формы приведеннаго здѣсь слова *šages* и звуковыя законы, касающіеся ихъ, нужно непременно знать, чтобы объяснить разныя формы окончанія угорскихъ названій рѣкъ, которое въ этихъ названіяхъ встрѣчается почти по всей области угорскихъ мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи. Сюда принадлежатъ: общезвѣстное названіе главнаго притока Сѣверной Двины *Вычегда*, названія рѣкъ: *Печегда*, *Рочегда*, *Жижегда*, *Вожегда*, *Вологда*, названіе рѣки и лежащаго при ней города, *Судогда*, тоже названіе рѣки и города въ Владимірской губерніи, и названія рѣкъ: *Турлохта*, *Солохта*, *Силехта*, *Телехта*, *Солокиа*, *Колокиа*, *Кидекиа*, *Выжекшиа*, *Нерелта*, *Обохта*, *Шомохта*, *Тумохта* и т. д.

Названіе *Вычегда*, или вѣрнѣе *Вышегда*, — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ угорскихъ названій мѣстностей въ Россіи, которое заслуживаетъ болѣе подробнаго объясненія. Это — остяцкое *uigt-šaget*, или въ сокращенномъ видѣ *uit-šaget*, *луговой притокъ* или буквально *луго-рукавъ*. Доказательствомъ вѣрности этого объясненія служитъ зырянское названіе рѣки Вычегды. Зыряне, живущіе нынѣ около верхняго теченія этой рѣки, зовутъ ее *Эжаа луговая*, или вѣрнѣе *дерновая рѣка*, или буквально *вода*. Ясно, что это прямой переводъ древне-угорскаго *uigt-šaget*, только съ употребленіемъ обыкновеннаго у Зырянъ въ названіяхъ рѣкъ окончанія *aa*. Въ послѣдней половинѣ названія *uigt-šaget* первоначальное *š* въ началѣ слова еще сохранено, то есть оно еще не перешло въ *t*, но въ концѣ слова эта перемѣна уже произошла, такъ какъ первоначальная форма ея, какъ выше сказано, была *šages*. Вслѣдствіе вліянія русскаго языка *t* въ *šaget* смягчено въ *š* въ формѣ — *шегда*, въ согласіе съ мягкимъ *g* (*š*), когда русскіе къ этому слову приставили женское окончаніе *a*, и вслѣдствіи того устранили *e* изъ послѣдняго слога слова *šaget*. Еще пужно прибавить, что *a* въ первомъ слогѣ слова *šaget* также отъ вліянія русскаго выговора въ формѣ *-шегда* перешло въ *e*, такъ какъ послѣ шипящихъ *a* въ русскомъ языкѣ перемѣняется въ *e*.

Въ рукописномъ атласѣ Архангельской губерніи Монакова въ восточной части Онежскаго уѣзда показана еще другая маленькая рѣчка съ названіемъ *Вычегда*. И замѣчательно здѣсь то, что эта рѣчка *Вычегда* соединяется съ рѣчкою, которая носитъ названіе *Вычюра*, вѣрнѣе *Вытичюра*, слѣдовательно съ тѣмъ же первымъ членомъ *выт-*, но съ новымъ окончаніемъ *-чюра*, отъ остяцкаго *šur* (*сюра*) *ручей*, по вотяцки *šur* (*шюра*) *рѣка*, по зырянски *šor* тоже. Вычюра впадаетъ въ рѣку *Кодьму*, притокъ рѣки Онеги съ востока. Окончаніе *šur* въ формахъ *-сара*, *-сора*, *-шера*, *-шюра*, *-шюра* и пр. встрѣчается въ значительномъ числѣ названій рѣкъ отъ *Коширы*, то есть *Kos-šur сѣл-рѣка*, *словая рѣка*, въ Тульской губерніи, до самаго сѣвера. Особенно ихъ много въ Бѣлозерскомъ краѣ. Названіе *Вычюра* такимъ образомъ произошло отъ остяцкаго сложнаго слова *uigt- (uit-) -šur луговой ручей*. Остяцкое слово *uigt* (*uigt*) *луго* встрѣчается у Кастрена, у Палласа *aiğıt*, а сокращенная форма *uitz* (*uit*) у Вологодскаго въ остяцкомъ названіи города Обдорска Пу́лѣтавытъ, собственно *красивый луго* (у Вологодскаго *l'* знакъ остяцкаго звука средняго между *s* и *a*, о которомъ выше уже была рѣчь). Ср. зырянское *oidzj* *луго*, у Саввантова.

Названіе рѣки *Печегда* тоже довольно замѣчательно. Печегда въ Ярославской губерніи три въ разныхъ мѣстахъ (см. *Списки населенныхъ мѣстъ* этой губерніи), четвертая

Пéчегда встрѣчается въ Владимірской губерніи недалеко отъ ея границы съ Ярославскою и пятая въ Тверской губерніи близъ города Калязина. Это—очевидно остяцкое слово *petš-šaget сосна рукавъ* или *сосновый рукавъ*, т. е. *притокъ*. Остяцкое слово *pitš сосна* уже выше было объяснено. Оно, впрочемъ, встрѣчается еще во многихъ другихъ древне-угорскихъ названіяхъ въ средней и сѣверной Россіи. Рѣкъ съ названіемъ *Печема*, по остяцки буквально *сосновая*, я знаю четырнадцать въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи и пятнадцатую въ сѣверо-западной Финляндіи. Рѣкъ съ названіемъ *Печура*, по остяцки *petš-juga сосна рѣка*, мнѣ извѣстно въ сѣверной и средней Россіи до шести. Въ Владимірской губерніи есть еще названіе *Печура*, по остяцки *сосна оврагъ*. Не удивительно, что угорское слово, имѣющее значеніе *сосны*, такъ часто входило въ составъ названій мѣстностей въ древне-угорской области въ средней и сѣверной Россіи, такъ какъ *сосна* у насъ на сѣверѣ самое обыкновенное дерево и для народовъ древнихъ временъ составляла предметъ самой первой во многихъ отношеніяхъ важности.

Въ названіяхъ рѣкъ: *Вологда*, *Илода*, *Турлолохта*, *Солохта*, *Силехта*, *Телехта*, *Солокша*, *Колокша*, *Молокша* и пр. первое *t* въ окончаніи *taget*, по изложеннымъ звуковымъ законамъ угорскихъ языковъ, уже превратилось въ *l*, хотя въ извѣстныхъ до сихъ поръ формахъ этого слова въ нынѣшнихъ угорскихъ языкахъ такой перемѣны перваго *t* нѣтъ. Но вышеуказанный средній между *t* и *l* звукъ, конечно, встрѣчается и въ этомъ словѣ въ остяцкой формѣ сургутскаго нарѣчія *taŋet* у Кастрена, собственно названіе рѣки Иртыша (сравни *Hunfalvy*); русскимъ народомъ этотъ звукъ не можетъ и никогда не могъ быть выговоренъ иначе, какъ только чистымъ *l* (*л*), какъ это видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, и при томъ всѣ писатели, не получившіе нужныхъ для того наставленій, всегда пишутъ этотъ звукъ въ остяцкихъ словахъ и названіяхъ обыкновенною буквою *л*. Такимъ образомъ очень можетъ быть, что *л* и въ вышепомянутыхъ окончаніяхъ у древней Угры имѣлъ описанный Вологодскимъ звукъ *л̄*.

Еще нужно сказать, что *ш* въ послѣднемъ слогѣ названій *Солокша*, *Колокша*, *Молокша*, *Кидекша*, *Выжекша* и пр. болѣе древняго происхожденія, нежели соответствующія *т* и *д* въ другихъ названіяхъ, такъ какъ *т* и *д* здѣсь произошли изъ *с* или *š*. Въ угорскомъ названіи извѣстнаго притока Волги, *Шексны*, у Герберштейна *Шоксна* («*Schoxna*»), буквально *рукавная*, отъ *šoks* или *šaks* *рукавъ*, въ значеніи *притокъ*, мы имѣемъ остяцково-вогульское слово *taget* почти въ самомъ первоначальномъ угорскомъ его видѣ *šages*. Окончаніе *-на* въ *Шоксна* безъ сомнѣнія первоначально было *-ŋа*, съ гортанно-носовымъ звукомъ *ŋ*; ср. вышепомянутое пу́л̄ŋа. Окончаніе *-ŋа* одно и тоже съ болѣе общимъ остяцково-вогульскимъ его видомъ *-еŋ*.

Еще требуетъ объясненія гласная *е*, которую мы находимъ въ названіяхъ *Силехта*, *Телехта* и др. (см. *Судходный дорожникъ Тихвинской системы*). Это *е* здѣсь служитъ доказательствомъ того, что финско-венгерское созвучіе гласныхъ уже существовало въ древне-угорскомъ языкѣ, даже въ видѣ собственно-венгерскихъ его особенностей. Это созвучіе — фонетическое правило, вслѣдствіе котораго твердыя гласныя буквы *а*, *о*, и *у* въ некоторыхъ финско-венгерскихъ языкахъ, какъ наприм. въ финскомъ и венгерскомъ, въ окончаніяхъ всегда слѣдуютъ за твердыми, а мягкія *ä* (въ венгерскомъ *e*), *ö*, *ü*, по фински *y* = венгерскому *ü*, за мягкими. Но въ венгерскомъ языкѣ это встрѣчается не въ однихъ

только окончанійхъ, но и въ сложныхъ словахъ, какъ напр. въ вышепомянутомъ *inner*, въ которомъ *per den* образовалось изъ *nar*, такъ какъ въ предыдущемъ слогѣ *in* гласная буква *i* мягкая. Та же самая венгерская особенность въ языкѣ является и въ вышеприведенныхъ древне-угорскихъ названіяхъ *Sulesta* и *Telesta*.

Такимъ образомъ мы уже познакомились съ четырьмя древне-угорскими окончаніями, употребляемыми въ названіяхъ мѣстностей средней и сѣверной Россіи, а именно съ окончаніями *-taget*, *-enga*, *-juga* и *-kura*. До сихъ поръ мнѣ извѣстно до тридцати шести разныхъ окончаній угорскаго происхожденія, изъ которыхъ каждое встрѣчается въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ названій. Разные примѣры угорскихъ названій съ отличающимися ихъ окончаніями я уже имѣлъ случай сообщить въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Даже и тѣ окончанія, о которыхъ я еще во время сочиненія упомянутой моей статьи думалъ, что онѣ зырянскаго происхожденія, оказались въ послѣднее время всѣ угорскими. Для объясненія угорскихъ названій мѣстностей, мнѣ исключительно служили основаніемъ звуковыя законы остячскаго языка, замѣченные Кастреномъ. Сверхъ того, только вліаніемъ русскихъ звуковыхъ и лингвистическихъ законовъ въ Россіи и финскихъ въ Финляндіи объясняются въ этихъ угорскихъ названіяхъ и въ ихъ окончаніяхъ иногда незначительныя отклоненія отъ чиста угорскихъ формъ. Мои послѣднія изслѣдованія еще болѣе меня убѣдили, что г. Шифнеръ никогда и никакими методическими доказательствами не въ состояніи будетъ подкрѣпить свое мнѣніе о томъ, что мои изслѣдованія о названіяхъ угорскаго происхожденія мѣстностей дѣйствительно невябры и что такимъ образомъ въ дорусскія времена не Угра, а настоящіе Финны жили въ средней и сѣверной Россіи и оставляли тамъ свои дорусскіе курганы и названія мѣстностей. Но въ тѣхъ мѣстахъ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ ни одного названія собственно финскаго происхожденія, между тѣмъ какъ чисто угорскія сложныя названія мѣстностей съ многоразличными конечными словами, которыхъ значеніе объясняется только изъ угорскаго языка, встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ не только въ упомянутыхъ частяхъ нынѣшней Россіи, но и во всей Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи. *Слѣдовательно не Финны вытѣснены Русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но Венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію*, чтобы «*овладѣть наслѣдствомъ короля Аттилы, прадѣда Альмуса, главнаго ихъ воеводы на походѣ съ сѣвера*». Впрочемъ угорскіе народы уже во время монгольскихъ Хунновъ стали переселиться къ берегамъ Чернаго моря и въ Паннонію. Еще въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Герберштейнъ «*около Шоксны*», какъ онъ пишетъ, «*я Мологи засталъ народъ, говорившій кромѣ русскаго и своимъ особеннымъ языкомъ*». А такъ какъ нигдѣ не встрѣчается такъ много чисто угорскихъ названій, какъ около нижняго теченія Мологи и еще болѣе около Шексны и всего Бѣлоозера, то я въ 1868 году предпринялъ путешествіе въ тѣ мѣста съ цѣлію дополнить свои изслѣдованія о тамошнихъ названіяхъ мѣстностей. На основаніи этихъ моихъ изслѣдованій, я рѣшительно могу сказать, что тамошній народъ, о которомъ упоминаетъ Герберштейнъ, говорилъ въ его время еще настоящимъ угорскимъ языкомъ. Собственно финскихъ названій около Мологи и Шексны и около всего Бѣлоозера нѣтъ, точно такъ же какъ нѣтъ тамъ Корель Тверской и Новгородской губерній, которые и въ другія мѣста тѣхъ губерній переселились изъ Русской Карелии (сѣверо-западной части Олонецкой губерній) не раньше начала семнадцатаго сто-

лѣтія, что окончательно подтверждается почти совершеннымъ сходствомъ ихъ финскаго нарѣчія съ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ жители Русской Кареліи. Основываясь на названіяхъ мѣстностей, я даже могу утверждать, что въ окрестностяхъ Мологи и Шексны и преимущественно Бѣлоозера нарѣчіе Угры стояло ближе всѣхъ другихъ къ языку венгерскому, точно такъ же какъ я имѣю въ рукахъ явнія доказательства тому, что угорское нарѣчіе, существовавшее въ древнія времена около Ветлуги и рѣки Юга, стояло ближе всѣхъ къ языку нынѣшнихъ Вогуличей и что нарѣчіе Важской Чуди въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, такимъ же образомъ стояло ближе всѣхъ къ языку нынѣшнихъ Остяковъ. Разница между этими нарѣчіями въ старшину была очень незначительна, что доказывается не только названіями мѣстностей, но и тѣмъ, что въ 1237 году венгерскій монахъ Юліанъ, путешествуя съ юга вверхъ по Волгѣ, около нынѣшней Казани встрѣтилъ народъ, говорившій совершенно понятнымъ ему венгерскимъ нарѣчіемъ.

Все это, хотя и изложенное въ очень краткихъ чертахъ, я надѣюсь послужитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что на сѣверѣ Россіи, отъ Ледовитаго моря до рѣки Оки, въ дорусскія времена жительствовавшій могущественный и, по словамъ Анонима Белья, равно какъ и по всѣмъ другимъ признакамъ, очень многочисленный народъ. Часть страны, занимаемой этимъ народомъ, была *Великая Перемь (Шерм)* русскихъ лѣтописей, *Veortmas* (читай *Биормасъ*) славнаго англо-саксонскаго мореплавателя Оттера, жившаго во времена англійскаго короля Альфреда Великаго, и *Біармаландъ* исландскихъ сагъ. Въ *Hervararsaga*, *Gaungu Rolfs saga* и др. находится обширное описаніе этой земли подъ названіемъ *Jotunheim*, то есть земли *Ютуногъ*, по нѣмцки *Jotunheimath*, лежащей около рѣки *Vinā* (читай *Віно*), то есть Двины, по фински *Vienan joki* (читай *Віенан-йоки*), къ югу отъ «*Gandvik*». *Gandvik* — извѣстное исландское названіе Бѣлаго моря, происходящее отъ финскаго *Kandalakši*; этимъ послѣднимъ именемъ нынѣ собственно называется сѣверо-западная губа Бѣлаго моря. Ранѣе сѣверная часть Скандинавіи, а также и Финляндіи въ сагахъ носили названія *Jotunheim* и *Jotland*, что одно и то же, и скандинавскіе короли имѣли много дѣла съ могущественными Ютунами, съ дочерьми королевъ которыхъ они часто вступали въ бракъ. При описаніи Двинскаго *Jotunheim'a* въ вышеназванныхъ сагахъ упоминаются тамошніе короли и войны ихъ, напримѣръ съ «*Turkjar*» и «*Asiamenn*», то есть съ Турками и Азіятами. Даже встрѣчается описаніе похода ихъ на *Harvadafjöll*, то есть на Карпатскія или Хорватскія горы, очевидно похода Альмуса съ Венграми въ Паннонію (см. *Rofn, Antiquités russes, t. I, стр. 192—3*).

Однимъ словомъ, намъ теперь открывается до сихъ поръ почти совершенно забытое, сильное государство, господствовавшее нѣкогда на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера и оставившее намъ богатый матеріалъ археологическихъ данныхъ въ безчисленныхъ курганахъ, городищахъ, каменныхъ грудахъ и т. д. Археологическія изслѣдованія всей этой области вѣроятно въ скоромъ времени сдѣлаютъ эти данныя достояніемъ науки, покажутъ древне-историческую связь между Россіею, Финляндіею, Скандинавіею и Венгеріею и возбудятъ живѣйшій интересъ всей Европы и всего просвѣщеннаго міра.

Списокъ 36-ти угорскимъ окончаніямъ названій мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи и въ Финляндіи.

- 1) *-бахта, -бохта, -пахта* = *юрка, бугорокъ*.
- 2) *-болъ, -бола, -бала, -бой* = *ръка*.
- 3) *-вазъ, -везъ, -ватъ*, въ Финляндіи *-ва, -иа* = *вода, рѣка*.
- 4) *-вора, -вера* = *мысъ*.
- 5) *-тумусъ* = *холмъ, бугоръ*.
- 6) *-далъ, -долъ, -тала* = *источникъ, верховье рѣки*.
- 7) *-домъ (домбъ)* = *гора, холмъ*.
- 8) *-доръ, -деръ, -дра, -тыръ*, въ Финляндіи *-tiira, -tiera, -tuori*, въ Лапландіи *-tero* = *озеро*.
- 9) *-ениа, -ониа, -аниа*, въ Финляндіи *-nki* = окончаніе *-en* = *-enü* прилагательныхъ въ остяцкомъ и вогульскомъ языкахъ.
- 10) *-шеръ, -огеръ, -ора*, въ Архангельской губ. *-ора, -ура*, отъ *-ора, -ура*, въ Бѣлозерскомъ краю *-яръ, -яръ, -аръ*, въ Финляндіи *-eri* = *озеро*.
- 11) *-калъ, -колъ, -кола* = *деревня, собственно домъ*.
- 12) *-канда, -конда* = *порогъ* въ рѣкѣ.
- 13) *-кура* = *оврагъ*.
- 14) *-курья* = *протокъ*, также *притокъ* рѣки.
- 15) *-ленда*, въ названіяхъ деревень, лежащихъ на горахъ около Бѣлоозера.
- 16) *-лойда* = *скатъ горы*.
- 17) *-лохта* = *бухточка, заливъ*.
- 18) *-ма*, окончаніе отвлеченныхъ словъ въ угорскихъ языкахъ.
- 19) *-маръ, -меръ, -меря* = *гора*.
- 20) *-марда* = *межа, мѣра земли*.
- 21) *-матка* = *открытое поле*.
- 22) *-мена, -мина*, часто встрѣчающееся окончаніе еще неизвѣснаго значенія.
- 23) *-мола* = *крутой берегъ, собственно грядъ*.
- 24) *-нема* = *мысъ*.
- 25) *-норъ*, около рѣки Юга *-нолъ*, съ переменною *r* въ *m*, а наконецъ въ *l*, по звуковымъ законамъ вогульского языка = *мысъ, собственно носъ*.
- 26) *-налда, -нелда, -наль, -пель, -полъ* = *пашня, поле*.
- 27) *-постъ*, около рѣки Ветлуги *-басял*, съ переменною *m* въ *l*, по звуковымъ правиламъ вогульского языка = *протокъ* или *рукавъ рѣки*, у Кастрена по остяцки *past*, у Hunsalvy по вогульски *pasel*, на картѣ Регули (*Karte über das Land der Ostjaken und Wogulen*) *pasl*.
- 28) *-пура*, въ Финляндіи *-porha* = *порогъ* въ рѣкѣ.
- 29) *-ранда* = *берегъ*. Слово извѣстное въ финскомъ и лопарскомъ языкахъ; полная его форма у русскихъ Лопарей. Оно происходитъ отъ германо-скандинавскаго *strand*, но встрѣчается въ древне-угорской области, напр. около Сѣверной Двины, у Холмогоръ, въ чисто угорскихъ сложныхъ словахъ, слѣдовательно существовало и въ древне-угорскомъ языкѣ.

- 30) *-рома* = *плесо*, собственно *тишина* въ теченіи рѣки.
 31) *-сара*, *-сора*, *-шера*, *-шира*, *-шура* = *рѣка*, *рѣчка*.
 32) *-да*, въ Финляндіи *-ta*, *-to*, *-ti*, *-té* = *озеро*.
 33) *-тома*, *-тимъ*, по вогульскимъ звуковымъ законамъ *-лома*, въ Финляндіи *-tima* = *озеро*.
 34) *-шеда*, *-жеда*, *-дода*, *-лода*, *-лохта*, *-лехта*, *-охта*, въ болѣе чистыхъ и древнихъ формахъ *-жекша*, *-декша*, *-лекша*, *-локша* = *притокъ*, собственно *рукавъ*.
 35) *-та*, *-ета*, (*-іета*), *-яа*, *-оа*, *-уа*, въ Финляндіи *-жаа*, *-ја*, *-іа*, *-іо* = *рѣка*.
 36) *-яа* = *болото*.

Дополненіе къ статьѣ: «Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи и пр.».

Г. Адьквистъ, профессоръ финскаго языка при гельсингфорскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ С.-Петербургскаго Археологическаго съѣзда, въ первомъ выпускѣ своего, на финскомъ языкѣ издаваемаго, журнала *Kieletär*, высказалъ мнѣніе, что въ средней Россіи, равно какъ и вездѣ около Бѣлаго моря и даже около Бѣлоозера, въ дорусскія времена жили собственно такъ называемые Финны и что результаты моихъ изслѣдованій о дорусскихъ жителяхъ средней и сѣверной Россіи невѣрны, равно какъ и мое положеніе, что «*не Финны вытѣснены Русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но Венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію*». На мой вопросъ, обращенные къ г. Адьквисту въ гельсингфорскихъ вѣдомостяхъ *Finlands Allmänna Tidning* и *Morgonbladet*, относительно этого мнѣнія и на мою просьбу привести противъ моихъ тридцати шести окончаній угорскихъ названій мѣстностей, еще ранѣе съѣзда сообщенныхъ Финскому Археологическому Обществу, хотя три названія мѣстностей съ финскимъ окончаніемъ изъ средней Россіи и изъ окрестностей Бѣлоозера, онъ въ тѣхъ же вѣдомостяхъ отвѣчалъ, что его мнѣніе основано на мнѣніяхъ, высказанныхъ Кастреномъ въ *Ethnologische Vorlesungen*, Шёгреномъ въ сочиненіи *Ueber die Jämen* и Миллеромъ въ *Der Ugrische Volkstamm*.

Но каждый читатель легко самъ можетъ убѣдиться, что названные ученые ни слова не говорили о жительствѣ собственно такъ называемыхъ Финновъ въ средней Россіи. Шёгрень въ приведенномъ г. Адьквистомъ мѣстѣ даже не говоритъ о прежнихъ жителяхъ средней Россіи; Кастрень, въ *лекціи о Финнахъ*, на основаніи имѣвшихся объ этомъ вопросѣ при жизни его свѣдѣній, только сказалъ, что «въ средней Россіи, какъ это доказываютъ названія перусскаго происхожденія мѣстностей, по его мнѣнію («*Vermuthung*») жили *финскіе народы*», то есть *финско-венгерскіе народы* вообще, къ которымъ принадлежатъ Венгры и собственно такъ называемые Финны и принадлежала древняя Угра. Миллеръ же въ приведенномъ г. Адьквистомъ мѣстѣ выразился еще болѣе обще, именно, что «*курганы, встрѣчающіеся въ средней Россіи отъ Сибири до Валдая, по его мнѣнію принадлежатъ финскому племени*», то есть *финско-венгерскому*.

Шёгрень полагалъ, что въ окрестностяхъ Бѣлоозера и вообще въ сѣверной Россіи въ дорусскія времена жили Финны; тоже думалъ и Кастрень. На основаніи названій, близко подходящихъ къ финскимъ, я самъ до 1868 года былъ того мнѣнія, что въ вышепомянутыхъ

частяхъ Россіи, кромѣ Угры, жили также собственно такъ называемые Финны. Но, подучивъ скорѣ послѣ того болѣе полныя свѣдѣнія о названіяхъ нерусскаго происхожденія мѣстностей въ этихъ мѣстахъ, я рѣшительно убѣдился, что въ Бѣлозерскомъ краѣ, кромѣ сѣверо-западной окраины Бѣлозерскаго уѣзда, нѣтъ ни одного финскаго названія, но есть сотни угорскихъ, и притомъ не менѣ двадцати разныхъ окончаній, изъ которыхъ каждое имѣеть определенное древне-угорское значеніе. При этомъ нѣкоторыя окончанія на сѣверѣ Россіи, о которыхъ Кастрень и я раньше думали, что они финскаго происхожденія, при болѣе значительномъ числѣ названій оказались общо принадлежностью финскаго и угорскаго языковъ, и должны быть также угорскаго происхожденія, такъ какъ эти окончанія встрѣчаются сложенными съ различными угорскими первыми членами. Такимъ образомъ мое собственное прежнее мнѣніе, ни мнѣнія другихъ ученыхъ не могутъ служить доказательствомъ невѣрности нынѣшняго моего мнѣнія о томъ, что въ вышепомянутыхъ частяхъ Россіи въ дорусскія времена жила одна Угра, безъ всякой примѣси Финновъ. Слѣдовательно г. Альквистъ ничѣмъ не доказалъ, что собственно такъ называемые Финны въ дорусскія времена занимали или заселяли всю среднюю и сѣверную Россію. Да и мнѣніе, что Финны и вообще все финско-венгерское племя нѣкогда вышли будто бы съ Алтая, не можетъ быть точно доказано. Въ то время, когда изслѣдованія о названіяхъ финско-венгерскаго происхожденія мѣстностей только что еще начинались, Кастрень, конечно, былъ того мнѣнія, что татарское названіе Енисея, *Кемъ*, и названія другихъ сибирскихъ рѣкъ: *Симъ*, *Іа* и *Уя* одного происхожденія съ названіями рѣкъ въ сѣверной Финляндіи: *Kemi*, *Simo* и *Ti-joki*, и съ финскимъ словомъ *oja ruuei*, у Тихвинской Чуди и по эстски тоже. Но мы знаемъ, что названія *Kemi*, *Simo* и *Ti* сами не финскаго происхожденія. Выдумка прежнихъ финскихъ лексикографовъ, что *Kemi* будто бы значить (крутой) *берегъ*, не подтверждается жителями около самой рѣки *Kemi*. Кромѣ того мы находимъ рѣки съ этимъ же названіемъ далеко среди чисто-угорской области. Такъ въ сѣверной части Костромской губерніи протекаетъ рѣка, имѣющая названіе *Кема*. Вторая рѣка того же названія протекаетъ около Вышняго Волочка, а третья съ сѣверо-запада впадаетъ въ Бѣлоозеро. Даже слово *oja* вовсе не древняго происхожденія, такъ какъ оно находится въ одномъ только финскомъ языкѣ и въ его нарѣчіяхъ. Оно заимствовано изъ германско-скандинавскаго языка, въ которомъ встрѣчается въ формахъ *āa* (читай *āa*), *aa*, *am*, въ древне-германскомъ *ahva*, по звуковому закону отъ индо-европейской первоначальной формы *ahva voda*.

Эти приведенныя Кастренемъ названія слѣдовательно никакъ не доказываютъ, что Финны пришли съ Алтая. На самыхъ подробныхъ картахъ и въ другихъ источникахъ невозможно отыскать около Алтая никакихъ явно финско-венгерскихъ названій мѣстностей. Названіе *Селема* чисто тунгусское *selenga-birä жельмо* - (*жельмо*) *рѣка* (см. *Ritters Erdbeschreibung*). Другихъ научныхъ доказательствъ въ пользу мнѣнія, что Финны или вообще финско-венгерскіе народы пришли съ Алтая, тоже не найдено и безъ сомнѣнія никогда не будетъ найдено, такъ какъ извѣстный древне-историческій центръ финско-венгерскихъ народовъ не на востокѣ, а на западѣ. Угра, какъ выше сказано, жила встарину на западѣ. Мордва, самые близкіе родственники Финновъ, раньше непремѣнно жили на западѣ, что, между прочимъ, доказываетъ многочисленность литовскихъ словъ въ ихъ языкѣ. Черемисскій языкъ также западнаго происхожденія, такъ

какъ онъ близокъ къ лопарскому; сравни лопарское *lokke* 10 и черемисское *lua* тоже. Одинъ Зыряне съ Вотьяками встарину жили на юго-востокѣ, около Амановъ, одноименныхъ съ нынѣшними Осетицами, изъ языка которыхъ Зыряне заимствовали большую часть своихъ культурныхъ словъ, напр. названія металловъ, хлѣбныхъ растений и пр.

Вопросъ, какимъ путемъ финско-венгерское племя переходило на сѣверъ, можно опредѣлить преимущественно посредствомъ археологическихъ изслѣдованій.

По курганнымъ раскопкамъ, произведеннымъ въ послѣднее время, доказано, что въ Московской, Владимірской, Ярославской и Тверской губерніяхъ въ дорусское время, и какъ показываютъ найденныя въ курганахъ монеты еще въ одиннадцатомъ столѣтіи, жилъ народъ съ чисто африканскими длинноголовыми и длинночелюстными (долихоцефальными и прогнатическими) черепами. О курганныхъ черепахъ Московской и западной части Ярославской губерній напечатаны очень подробныя свѣдѣнія въ сочиненіи профессора Богданова: «*Матеріалы для антропологии курганнаго періода Московской губерніи*». Около двухъ третей найденныхъ здѣсь череповъ, числомъ болѣе двухъ сотъ, оказались длинноголовыми. Описаніе курганныхъ раскопокъ древне-угорской области въ Владимірской губерніи и въ южной части Ярославской мы имѣемъ въ *Трудахъ перваго археологическаго съезда въ Москвѣ 1869*, въ статьѣ графа Уварова: *Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ*. Въ этой статьѣ изъ многочисленной коллекціи древнихъ курганныхъ череповъ крانیологически описаны, къ сожалѣнію, всего только четыре, которые и оказались длинноголовыми. Въ 1872 году г. Аспелингъ и послѣ него я около погоста Бѣжець, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ 10 верстахъ на сѣверо-западъ отъ города Бѣжеца, производилъ раскопки кургановъ, въ которыхъ найдены были тоже длинноголовые черепа. Изъ этихъ череповъ четыре крانیологически, по методу Велькера, измѣрены и опредѣлены профессоромъ Медицинской Академіи въ С.-Петербургѣ Л. К. Ивановскимъ. Сообщу здѣсь такъ называемыя *indices*, или отношеніе длины къ ширинѣ, этихъ бѣжецкихъ череповъ. Они слѣдующія: 1) 100 : 66; 2) 100 : 73; 3) 100 : 76 и 4) тоже 100 : 76. Для сравненія съ этими цифрами могутъ служить *index* нынѣшнихъ великорусскихъ 100 : 82 и *index* шведскихъ череповъ 100 : 77,¹⁸.

Болѣе подробное описаніе этихъ моихъ раскопокъ напечатано въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (въ декабрьской книжкѣ 1872 года), въ статьѣ подъ заглавіемъ: *О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжеца, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи*. Въ этихъ курганахъ найдены были тѣ же бронзовые бубенчики, которые преимущественно характеризуютъ курганныя находки въ Московской, Владимірской и Ярославской губерніяхъ, тѣ же бронзовыя пряжки, цѣпочки и сережки, тѣ же желѣзные дошки, тѣ же бусы, тѣ же глиняные горшки. На груди одного изъ скелетовъ найдена была древнегерманская монета императора Генриха III, царствовавшего съ 1039 по 1056 г. Въ статьѣ графа Уварова: *Меряне и ихъ бытъ* описано множество монетъ, найденныхъ въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерній и относящихся къ среднѣ и ко второй половинѣ одиннадцатаго столѣтія.

Все это доказываетъ, что длинноголовый народъ, жившій въ самыя послѣднія дорусскія времена въ области однихъ только чисто-угорскихъ нерусскихъ названій мѣстностей въ вышепомянутыхъ губерніяхъ средней Россіи, не могъ быть другой кромѣ Угры. И дѣй-

ствительно ильбинская остяцкая и вогульская Угра еще до сих пор единственный длинно-головый народ на сѣверѣ. Это, как говорилъ графъ Уваровъ на С.-Петербургскомъ Археологическомъ съѣздѣ, мнѣніе г. академика Бэра. Венгры, третья отрасль древней Угры, конечно, въ ильбинское время, сколько извѣстно, уже не длинноголового типа; они, преимущественно въ самое первое время послѣ переселенія ихъ въ Паннонію, вслѣдствіе недостатка одноплеменныхъ женщинъ, по историческимъ свѣдѣніямъ сильно смѣшивались съ окружающими ихъ народами индо-европейскаго племени и такимъ образомъ постепенно измѣняли свой первоначальный типъ.

Изображеніе остяцкаго длинноголового типа можно видѣть въ сочиненіи Гофманна: *Der nördliche Ural*. Въ этой книгѣ изображена остяцкая дѣвушка въ профиль и возлѣ нея самоѣдская съ чисто монгольскимъ типомъ. Между тѣмъ какъ у Остячки верхняя часть затылка необыкновенно удлинена и челюсть длиннѣе обыкновенной, у Самоѣдки типъ самый короткоголовый. Финны и вся финско-черемисская вѣтвь финско-венгерскаго племени, т. е. Финны, Мордва, Лопари и Черемисы; напротивъ того короткоголовы. Зыряне, которые состоятъ въ болѣе близкомъ родствѣ съ Угурю, сколько извѣстно, тоже короткоголового типа. Угра, занимавшая, какъ это наглядно представлено на принадлежащей къ этой статьѣ картѣ, самое центральное мѣстоположеніе въ древней области финско-венгерскаго племени, лучше всѣхъ сохранила свой первоначальный африканскій типъ, между тѣмъ какъ народы упомянутаго племени, жившіе по краямъ области, отъ смѣшенія съ окружающими ихъ народами уже давно утратили свой первоначальный длинноголовый типъ.

Жившее до одинадцатаго столѣтія въ вышепомынутыхъ мѣстахъ средней Россіи курганное племя, даже по свѣдѣтельству его череповъ, было собственно не финскаго и даже вообще не финско-черемисскаго, но угорскаго происхожденія. Курганными розысканіями на упомянутыхъ мѣстахъ наглядно подтверждены мои изслѣдованія о названіяхъ мѣстностей. Г. Асиелль, въ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ *Kirjallinen Kuukauslehti* и въ *Kuukalehti* (№ 21, 1873 г.), конечно говоритъ, что бѣжецкія курганы западно-финскаго происхожденія, а курганы Владимірской и Ярославской губерній восточно-финскаго, то есть принадлежать уральскимъ вѣтвямъ финско-венгерскаго племени; но въ пользу этого мнѣнія не приводитъ никакихъ доказательствъ, которые могли бы выдержать критику. Онъ только говоритъ, что въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерній и дальше на востокъ будто бы нѣтъ цѣпочекъ, подобныхъ найденнымъ въ бѣжецкихъ курганахъ, и что будто бы всего только одна такая цѣпочка найдена въ курганахъ этихъ двухъ губерній. Но въ приложенныхъ къ статьѣ графа Уварова: *Описи мерянскихъ древностей, находящихся въ Румянцовскомъ музее въ Москвѣ, и Выпискахъ изъ дневниковъ 1851—4*, приведено 23 разныя цѣпочки.

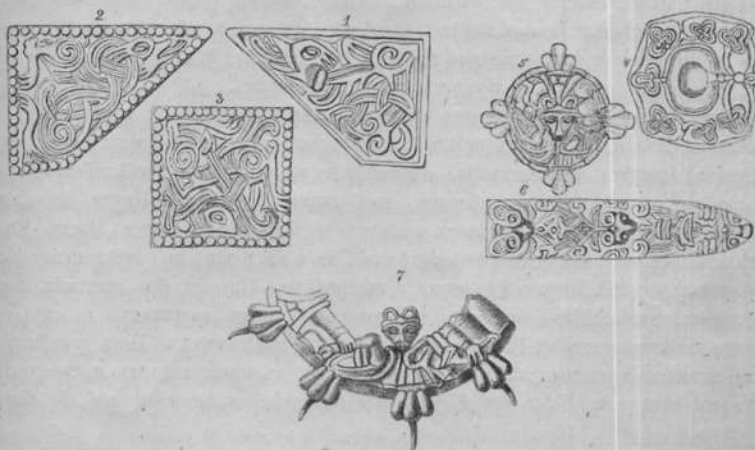
Большая часть цѣпочекъ, найденныхъ въ бѣжецкихъ курганахъ, сдѣлана изъ бронзовыхъ проволочныхъ спиральныхъ колечекъ. Три такія же бронзовыя цѣпочки упоминаются у графа Уварова. Но о многихъ цѣпочкахъ графъ Уваровъ не сказалъ, какия онѣ и изъ какого металла. Можетъ быть большая часть ихъ изъ бронзы, какъ и большинство другихъ вещей, найденныхъ въ тѣхъ же курганахъ. Нужно сказать, что между ними найдены и цѣпочки изъ желѣзной проволоки. Остатки одной такой желѣзной цѣпочки най-

дены были и въ бѣжецкихъ курганахъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вышепомянутыя двадцать три цѣпочки составляютъ только часть цѣпочекъ, найденныхъ въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерній, такъ какъ изъ «дневниковъ» только напечатаны «выписки».

Въ статьѣ *К. И. Невоструева: Апаньинскій могильникъ*, напечатанной въ тѣхъ же *Трудахъ перваго археологическаго съезда въ Москвѣ* (ч. II, стр. 615), описаны найденные въ этомъ могильникѣ «а) въ 8 дюймовъ бронзовая цѣпочка, совершенно похожая на нынѣшнія, какъ у Бара (*Ueber die Gräber der Lieven. Taf. II, III*) и у Крузе (*Necrolivonica. Tab., 21, № 11*); б) въ вершокъ остатокъ цѣпочки изъ бронзовыхъ же тонкой проволоки колечекъ». Слѣдовательно даже въ Апаньинскомъ могильникѣ, на рѣкѣ Камѣ, около города Елабуги, изъ котораго довольно много бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей было выкопано крестьянами села Апаньина и продано г. Аспелшну, были настоящимъ археологомъ, такъ сказать при первой раскопкѣ, найдены бронзовыя цѣпочки, которыя онъ сравниваетъ съ такими же цѣпочками, изображенными у Бара и Крузе, до сихъ-поръ почти единственными источниками, въ которыхъ встрѣчаются изображенія древнихъ могильныхъ цѣпочекъ, найденныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Впрочемъ еще никакъ нельзя утверждать, что цѣпочки, находимыя въ курганахъ Московской, Владимірской и Ярославской губерній, равно какъ около Бѣжецка въ Тверской губерніи и около рѣки Камы, одного происхожденія съ такими же цѣпочками прибалтійскихъ губерній, не говоря о древнихъ цѣпочкахъ, найденныхъ въ Финмаркенѣ, въ сѣверной части Норвегіи. Для опредѣленія родины металла, изъ котораго сдѣланы эти цѣпочки, нужно было бы подвергнуть ихъ химическому анализу, а что такой анализъ имѣетъ большую важность, доказываетъ слѣдующее обстоятельство.

Въ статьѣ: *О курганныхъ раскопкахъ около поюста Бѣжецъ* (Журн. Мин. Нар. Пров. Декабрь 1872) и сказано, что изображенныя ниже «украшенія*»), принадлежація къ лошадиной

*) Изъ нихъ фигура подъ № 7 есть развернутое изображеніе на украшеніи подъ № 5. На рукахъ, кото-

сбруѣ» и найденныя мною въ одномъ невысокомъ курганѣ около Бѣжецъ, «мѣдныя». Послѣ того я это словесно повторилъ г. Аспелину, прибавивъ, что эти вещи, хотя изображенные на нихъ «перевитые» драконы нѣсколько подходятъ къ подобнымъ же древнескандинавскимъ изображениямъ, все таки не могутъ быть скандинавскаго происхожденія, именно потому, что онѣ мѣдныя, такъ какъ извѣстно, что въ Скандинавіи въ дохристіянскія времена мѣди и мѣдныхъ вещей еще не было и что вслѣдствіе того даже германо-скандинавское названіе мѣди *kuifer, koppar*, отъ *cypricum metallum*, заимствовано въ послѣднее время. Но г. Аспелингъ тѣмъ не менѣе въ своей статьѣ, помѣщенной въ упомянутомъ журналѣ *Kuvalchti*, все таки сказалъ, что эти самыя вещи будто бы бронзовыя и скандинавской работы, хотя каждому извѣстно, что бронза уже съ перваго взгляда отличается отъ мѣди и что это различіе еще болѣе замѣтно на древнихъ курганныхъ вещахъ, изъ которыхъ бронзовыя, отъ примѣси съ оловянною окисью, бывають покрыты бѣлоютою зеленью, между тѣмъ какъ на мѣдныхъ вещахъ зелень гораздо темнѣе.

Для окончательнаго разрѣшенія этого разнорѣчія я упомянутыя мѣдныя вещи передалъ въ лабораторію Министерства Финансовъ, съ просьбою сдѣлать химическій анализъ металла, изъ котораго онѣ изготовлены. Вслѣдствіе этой просьбы я получилъ отъ управляющаго лабораторіею г. Кулибина слѣдующее свидѣтельство: «Д. П. Европеусъ доставилъ въ лабораторію Министерства Финансовъ три древнія вещицы, которыя по произведенной пробѣ оказались сдѣланными изъ красной мѣди, содержащей въ себѣ до полутора процента золота». Сверхъ того Г. Кулибинъ словесно сказалъ мнѣ, что «мѣдь въ этихъ вещицахъ, конечно, не совершенно чиста, но ее все таки никакъ нельзя назвать бронзою. Что касается до примѣси къ этой мѣди золота, то извѣстно, что золотистая мѣдь въ Россіи встрѣчается только на Алтаѣ».

Слѣдовательно мои слова о томъ, что эти вещицы «мѣдныя», самымъ вѣрнымъ образомъ оправданы и вслѣдствіе того становится очевиднымъ, что онѣ не скандинавскаго происхожденія, но скорѣе алтайскаго, или по крайней мѣрѣ сдѣланы изъ алтайской мѣди. Такимъ образомъ эти вещи не подтверждаютъ мнѣнія г. Аспелина, что бѣжецкіе курганы будто бы болѣе указываютъ на связь съ западомъ, чѣмъ съ востокомъ.

Даже о древностяхъ, найденныхъ на западѣ, «отъ прибалтійскихъ провинцій до Финмаркена въ Норвегіи», никакъ нельзя сказать, что онѣ «западно-финскаго» или вѣрнѣе собственно финскаго происхожденія. Древніе могилы и курганы прибалтійскихъ губерній, изъ которыхъ доставлены цѣпочки, изображенныя у Бара и Крузе, по словамъ послѣдняго не простираются на сѣверъ и сѣверо-востокъ дальше острова Эзеля. Южные предѣлы этихъ кургановъ точно не опредѣлены, такъ какъ они, по свидѣтельству Крузе, встрѣчаются у самой Прусской границы, а въ предѣлахъ Пруссіи, безъ сомнѣнія, простираются еще далѣе. Изъ череповъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ, до сихъ поръ, сколько извѣстно, еще ни одинъ не опредѣленъ краниологически. Безъ сомнѣнія, они древне-готскаго происхожденія. В. Томсенъ въ своемъ превосходномъ и строго методическомъ сочиненіи: *Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-*

рныя находятся на этомъ украшеніи по обѣимъ сторонамъ медвѣжьей головы и держатъ какія-то вещи, надѣты браслеты, что показываетъ на изготовленіе этихъ украшеній тамъ, гдѣ браслеты были въ употребленіи.

lappischen вѣрно и очень наглядно доказать, что Финны, до раздѣленія своего на различныя нарѣчя, въ своей древней родинѣ около Ладожскаго и Онежскаго озеръ, имѣли весьма тѣсное общеніе съ древними Готами. Дѣйствительно трудно предположить, чтобы Готы въ то время распространились далѣе острова Эзеля, но съ другой стороны еще труднѣе полагать, что они тогда жили въ мѣстахъ, гораздо болѣе отдаленныхъ отъ Финновъ, такъ какъ въ финскомъ языкѣ много словъ, заимствованныхъ изъ готскаго языка, болѣе, чѣмъ сколько ихъ приведено Томсеномъ въ вышепомянутой его книгѣ. Сверхъ того нужно замѣтить, что Финны жили въ сосѣдствѣ съ Готами значительно ранѣе того времени, которое назначаетъ Томсенъ. Это доказывается тѣмъ, что въ финскомъ языкѣ довольно много такихъ древне-германскихъ словъ, которыя непременно были заимствованы въ то время, когда *k* и *p* въ германскомъ языкѣ еще не были измѣнены въ *h* и *f*, что по мнѣнію германскихъ филологовъ и самаго Томсена произошло ранѣе Рождества Христова.

Что касается могильныхъ каменныхъ грудъ, встрѣчающихся въ южной и западной Финляндіи, — земляныхъ кургановъ тамъ нѣтъ — то и изъ нихъ нѣтъ ни одной, о которой было бы доказано, что она «западно-финскаго», т. е. собственно-финскаго происхожденія. Даже живое народное преданіе во всей Финляндіи приписываетъ всѣ такіе памятники нефинскому народу, населявшему въ древнее время всю Финляндію, сѣверную часть Скандинавіи и даже Русскую Карелію въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи и въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Финское названіе этого древняго народа *Huisi*, корень *Hii*. Въ древнихъ исландскихъ сагахъ этотъ народъ, какъ выше сказано, встрѣчается подъ названіемъ *Jotun*, первоначально *Jatun* (см. *Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*), у Финновъ около рѣки Торнео еще до сихъ-поръ *Jatuni*. Нынѣшняя форма этого названія въ шведскомъ языкѣ *Jätte*, а живущіе около шведскаго населенія Финны передѣляли это названіе въ *jätti*, съ значеніемъ *олеманъ*, въ которомъ значеніи слово *jätte* употребляется теперь и въ шведскомъ языкѣ. Даже подъ названіемъ *Huisi* этотъ древній народъ въ народномъ преданіи Финновъ слыветъ великанами, имѣющими исполнскую силу.

Этотъ древній народъ въ Финляндіи былъ Угра, о чемъ свидѣлствуютъ общія какъ для Финляндіи, такъ и для средней и сѣверной Россіи названія нефинскаго и нерусскаго происхожденія мѣстностей, которыя въ Финляндіи, равно какъ и въ Россіи, вездѣ оказываются принадлежащими такого рода мѣстностямъ, на какія указываетъ угорское значеніе окончанія. Профессоръ Альквистъ въ своемъ сочиненіи: *Beiträge zu einer neuen Grammatik der finnischen Sprache* (въ *Acta societatis scientt. Fenn., tom. IX, fasc. 2*) говорить, что всѣ встрѣчающіяся въ Финляндіи и въ Русской Кареліи окончанія названій угорскаго происхожденія мѣстностей будто бы собственно финскія и будто бы означаютъ на финскомъ языкѣ названія мѣстностей вообще. Но эти окончанія названій мѣстностей, которыя распространены по всей древне-угорской области, въ дѣйствительности ни въ Россіи, ни въ Финляндіи не встрѣчаются въ названіяхъ мѣстностей «вообще», но всегда помѣщаются при такихъ мѣстностяхъ, которыя опредѣляются угорскимъ ихъ значеніемъ, такъ что то изъ этихъ названій, окончаніе котораго въ угорскихъ языкахъ значить *тъка*, всегда принадлежитъ рѣкамъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстностямъ, получившимъ названіе отъ такой рѣки, а названія, окончанія которыхъ въ тѣхъ же языкахъ значать *озеро*,

гора, вода, и т. д., принадлежатъ только *озерамъ, горамъ, водамъ*, и т. д. Кромѣ того часть этихъ окончаній только въ одной Россіи встрѣчается въ полномъ видѣ, на прим. названія рѣкъ на *яа, уа, оа, еа*, тогда какъ эти окончанія въ Финляндіи, по звуковымъ законамъ финскаго языка, непременно должны были получить сокращенную форму *jaa*, и по большей части даже только *ja, ia, io*. Эти формы сокращены отъ *jaga, joga*; въ нынѣшнемъ остяцкомъ языкѣ *jeaga, jogan*, по вогульски *ja, je* отъ *jaga, joga*, по венгерски, въ венгерскихъ названіяхъ рѣкъ, *jo* отъ *joga*, по лопарски *joga*, по фински *joki* и по зырянски *ju*, отъ *juga*. Даже въ самоѣдскомъ языкѣ, относящемся къ татарско-алтайской семьѣ, это слово встрѣчается въ формахъ *jaha, джаха*. Оно, какъ не общая принадлежность татарско-алтайскихъ языковъ, должно быть заимствовано въ послѣднее время изъ финско-венгерскихъ языковъ. Образованное изъ этого финско-венгерскаго слова окончаніе названій рѣкъ встрѣчается какъ въ средней и сѣверной Россіи, такъ и въ Финляндіи въ однихъ только угорскихъ сложеніяхъ и часто смѣняется другими также чисто угорскими окончаніями, какъ на прим. *Пуца*, по угорски *лѣсъ-рѣка*, вытекающая изъ озера *Пудоръ*, по вогульски *лѣсъ-озеро*, близъ Вышняго Волочка; рѣка *Liinaja*, около верхняго течения рѣки *Торнео*, вѣрнѣе *Tornio (Tornio)*, вытекающая изъ озера *Liinanki (Liinangi)*. Первое по остяцки значитъ *бѣлка-рѣка*, а второе буквально *бѣлино*. Самое *Tornio*, по остяцки *torn-joga*, значитъ *травя-рѣка*, отъ лежащихъ около этой рѣки прекрасныхъ луговъ, затопляемыхъ весенними ея разливами. *Liinanki* и *Liinaja* даже по тому не могутъ быть финскаго происхожденія, что они находятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ около ста лѣтъ тому назадъ еще жило только одно лопарское населеніе. Точно также въ приходѣ *Kuusamo*, въ сѣверо-восточной Финляндіи, около полярнаго круга, гдѣ встрѣчается значительное число угорскихъ названій мѣстностей, имѣющихъ разныя окончанія, еще сто лѣтъ тому назадъ (см. *Sjögren, Beschreibung des Kemi-Lapplands*) жили послѣдніе Лопари, а въ историческое время онѣ были населены одними только Лопарями. Кромѣ того эти названія съ угорскими окончаніями встрѣчаются даже въ области нынѣшнихъ Лопарей и здѣсь всегда окончанія, означающія *рѣку*, принадлежатъ названіямъ рѣкъ, окончанія съ значеніемъ *озеро* названіямъ озеръ и такъ далѣе.

Эти окончанія слѣдовательно никакъ не могутъ быть финскаго происхожденія, особенно когда число ихъ гораздо значительнѣе въ Россіи, чѣмъ предѣловъ собственно финскихъ названій, чѣмъ въ самой Финляндіи. Древнія могильныя каменныя груды въ Финляндіи должны по этому принадлежать, какъ о такихъ памятникахъ говоритъ и народное преданіе въ этой странѣ, не финскому доисторическому народу высокаго роста, отличающемуся отъ малорослыхъ Лопарей.

Найденныя въ такихъ грудяхъ и въ современныхъ имъ древнихъ могилахъ въ Финляндіи бронзовыя дѣлочки также не могутъ быть приписаны собственно такъ называемымъ Финнамъ, но онѣ принадлежали, безъ сомнѣнія, тому же древне-угорскому народу, которому принадлежатъ вышеприведенныя, распространенныя по всей древне-угорской области на сѣверѣ, угорскія названія мѣстностей.

Нельзя также сказать, чтобы найденныя въ Финмаркенѣ, въ сѣверной части Норвегіи, такія же древнія дѣлочки были собственно финскаго происхожденія, такъ какъ въ Финмаркенѣ не только не встрѣчается никакихъ собственно-финскихъ названій мѣстностей, но тамъ, по норвежскимъ и исландскимъ историческимъ свѣдѣніямъ, даже въ древнее

время не было никакого собственно-финскаго населенія, а было только лопарское и въ древнее время кое-гдѣ можетъ быть и угорское (*iämyское*), какъ указываетъ на то сохранившееся тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народное преданіе. Названіе Финмаркенъ нисколько не доказываетъ, что собственно такъ называемые Финны жили тамъ въ древнее время, такъ какъ по норвежски и по исландски слово Финнъ означаетъ Лопаря, а Финны въ этихъ языкахъ называются *Квенами* (*Qvæner*), что собственно значитъ жители около рѣки *Каликса*, по фински *Kainiin joki*, первой рѣки къ западу отъ рѣки Торнео. Жители около *Kainiin joki* называются по фински во множественномъ числѣ *Kainulaiset*, въ единственномъ *Kainu-lainen*. Древне-скандинавское слово *Quäno* произошло по звуковымъ законамъ отъ *kaino*, по готски *qino*, первоначальная индоевропейская форма *ganä жена**). Средняя часть течения рѣки Каликса въ приходахъ *Korpilombolo* и *Jellivaara* еще до сихъ-поръ окружена финскимъ населеніемъ; названія же чисто финскаго происхожденія мѣстностей около нижняго течения этой рѣки ясно доказываютъ, что и тамъ въ послѣднее дошведское время жили дѣйствительныя Финны. Этимъ объясняется, почему Финны по норвежски и по исландски называются Квенами, такъ какъ Квены были самая близкая и самая знакомая Норманнамъ часть Финновъ, точно такъ же, какъ Французы называютъ Нѣмцовъ *Allemand*, по имени пограничныхъ съ Французами древнихъ Аллемановъ. Изъ этого видно, что Финмаркенъ въ Норвегii въ древнее время не былъ населенъ настоящими Финнами, а такимъ образомъ и древнія цѣпочки, найденныя тамъ, не могутъ быть собственно финскаго происхожденія.

Такимъ образомъ г. Аспелингъ ничѣмъ не доказалъ, что найденныя въ курганахъ около логоста Бѣжець бронзовыя цѣпочки собственно финскаго происхожденія; что найденныя мною въ тѣхъ же курганахъ мѣдныя вещицы отъ лошадиной сбруи будто бы бронзовыя и скандинавскаго издѣлія, слѣдовательно западнаго происхожденія; что вышеупомянутыя курганы будто бы западно-финскаго, то есть собственно финскаго происхожденія; что русскіе будто бы враждебнымъ образомъ вытѣснили предковъ Финновъ и Эстовъ изъ средней Россii въ Финляндію и Эстляндію, какъ стараются это доказать прибалтійскіе германисты и финляндскіе скандинависты, и что вышеизложенные результаты моихъ изслѣдованій о названіяхъ мѣстностей средней Россii будто бы невѣрны.

Остается высказать желаніе, чтобы курганныя и вообще археологическія изслѣдованія въ древне-угорской области и въ областяхъ другихъ финско-венгерскихъ народовъ, а также и въ мѣстностяхъ, лежащихъ вокругъ этихъ областей, были доведены до того, чтобы возможно было составить на основаніи этихъ изслѣдованій такую же археологическую карту сѣвера, какая на основаніи изслѣдованій о названіяхъ мѣстностей сдѣлана для области древней Угры и настоящихъ Финновъ. Эти археологическія изслѣдованія должны не только подтвердить, но и во многомъ дополнить изслѣдованія о названіяхъ мѣстностей, такъ какъ старинныя названія мѣстностей вслѣдствіе неоднократной смѣны населявшихъ народовъ и отъ другихъ причинъ во многихъ мѣстахъ уже совершенно исчезли, между тѣмъ, какъ археологическіе памятники и находимыя въ нихъ самыхъ отдаленныхъ временъ вещи и кости являются наилучшими свидѣтелями о прошломъ даже и тамъ, гдѣ названія мѣстностей уже не даютъ никакихъ свѣдѣній.

*) См. *Fick, Vergl. Wörterbuch der indogerm. Sprachen, 2 Aufl., стр. 57.*

При пособіи такихъ изслѣдованій со временемъ, безъ сомнѣнія, возможно будетъ опредѣлить какимъ путемъ пришли сюда на сѣверъ предки всего финско-венгерскаго племени. Утвержденіе г. Аלקвиста, что происхожденіе Финновъ и всего финско-венгерскаго племени изъ Алтая есть «аксіома», вовсе не вѣрно. Самъ Кастренъ въ профессорской своей диссертациіи сказалъ, что родство финскаго племени, то есть финско-венгерскаго, съ алтайскими народами и языками «*quaestio est quam expedire aetatis fuerit proximae*». Г. Бетлингкъ въ предисловіи къ своему сочиненію: *Ueber die Sprache der Jakuten*, привелъ вышеупомянутыя слова Кастрена, сказалъ рѣшительно, что родство финскаго племени съ алтайскими народами еще никакимъ методическо-физиологическимъ образомъ не доказано.

Скорѣе можно полагать, что предки финско-венгерскаго племени пришли на сѣверъ черезъ среднюю и западную Европу, или вѣрнѣе черезъ Турцію, Италію, Францію, сѣверную Германію и Скандинавію. По крайней мѣрѣ во всѣхъ этихъ земляхъ, при обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ о самой глубокой древности, найдены длинноголовые черепа, совершенно сходныя съ такими же черепами, найденными въ курганахъ Московской, Владимірской, Ярославской и Тверской губерній*). Въ сочиненіи Ретціуса: *Om de äldsta spåren af menniskans tillvaro på vår jord*, то есть *О самыхъ древнихъ слѣдахъ существованія челоука на землѣ*, упоминается о находкахъ длинноголовыхъ череповъ около Босфора, во Франціи, Бельгіи и пр., а въ моемъ сочиненіи: *Ett fornfolk med långskallig afrikansk hufvudskålstyp i Norden, bestämdt till språk och nationalitet*, то есть *О древнемъ племени африканскаго длинноголового типа на сѣверѣ, определенномъ по языку и національности* — о такихъ же находкахъ въ Италіи, Помераніи и южной части Швеціи. Остается только изслѣдовать послѣдовательно всѣ промежуточныя мѣстности въ этомъ же самомъ археологическомъ отношеніи, чтобы получить вѣрныя данныя для рѣшенія вопроса какимъ именно путемъ пришли на сѣверъ предки финско-венгерскаго племени. Сравненіе числительныхъ именъ финско-венгерскихъ и индо-европейскихъ доказываетъ, что предки финско-венгерскаго и индо-европейскаго племенъ въ старину были непременно одного происхожденія и жили въ однихъ мѣстахъ. А такъ какъ предки индо-европейскаго племени, послѣ выхода ихъ изъ Африки, очевидно жительствоваали гдѣ-то въ юго-западной Азіи, то и предки финско-венгерскаго племени въ древнее время непременно жили тамъ же. Самыя древнія и наиболѣе рѣшительныя доказательства, конечно, должны быть отысканы въ средней и верхней Африкѣ, страны которыхъ до сихъ поръ еще почти вовсе не изслѣдованы.

Посредствомъ числительныхъ именъ мною уже доказано**), что и татарско-алтайское племя должно было первоначально выдти изъ средней Африки. Года четыре тому назадъ, африканскій путешественникъ Швейнфуртъ, въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ Петерманомъ въ *Geographische Mittheilungen* (1870, стр. 155), сказалъ, что онъ въ упомянутой части Африки встрѣтилъ народъ Ньям-ньямъ, имѣющій чисто-монгольскій типъ и даже цвѣтъ

*) Выше уже замѣчено, что до напечатанія этой статьи были мною найдены длинноголовые черепа въ курганахъ даже Устюженскаго уѣзда Новгородской губерніи. По почину и ходатайству нѣкоторыхъ ученыхъ, преимущественно Д. Я. Самойлова, Л. К. Ивановаго и др., и при просвѣщенномъ содѣйствіи Центрального Статистическаго Комитета, въ настоящее время приступлено къ собранію свѣдѣній о находящихся въ Россіи древнихъ курганахъ, городищахъ и пр., для составленія археологической карты Россіи.

**) См. мою статью въ *Suomi*, журналѣ общества финской литературы, II отд., ч. 10, стр. 302 и слѣд.

лица болѣе желтый, чѣмъ у настоящихъ негровъ. Числительныя этого народа несходны съ алтайскими, но очень вѣроятно, что находятся въ средней Африкѣ и такіе народы, которые соединяютъ монгольскій типъ лица съ языкомъ, числительныя котораго приближаются къ самымъ первоначальнымъ формамъ татарско-алтайскихъ числительныхъ, такъ какъ числительныя сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ африканскихъ языковъ, а также семитическихъ, близко подходятъ къ числительнымъ татарско-алтайскимъ, или, вѣрнѣе, къ первоначальнымъ ихъ формамъ.

Во всякомъ случаѣ подробное изслѣдованіе о происхожденіи финско-венгерскаго племени и всего человѣческаго рода изъ верхней Африки теперь представляется очень интереснымъ вопросомъ антропологии, или науки о самомъ человѣкѣ, и было бы весьма желательно, чтобы этотъ вопросъ не былъ оставленъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій *).

---

*) Къ настоящей статьѣ, кромѣ общей карты, представляющей распространеніе на сѣверѣ финско-венгерскихъ народовъ въ древнее время, приложена еще карта Бѣлозерскаго края, на которой изображено размѣщеніе тамъ же угорскихъ названій мѣстностей. На этой картѣ видно, что на сѣверо-западѣ края, въ области, обитаемой еще до сихъ поръ Финскою Чудью, начинаются чисто финскія названія, безъ всякой примѣси угорскихъ. Чудскія названія мѣстностей переходить немного далѣе за нынѣшніе предѣлы Чуди; въ области же Угры нѣтъ финскихъ названій съ финскими неугорскими окончаніями.